

ВЫСТАВКА НЕДЕЛИ

«У неведомого — разные облики»

Моск. правда, — 1995. — 26 мая. — С. 6.

В галерее «Москоу Файн Арт» («Московское изящное искусство») на Арбате, 38, открыта выставка живописи Юрия Миронова, одного из крупнейших представителей отечественного абстракционизма.

Абстрактное искусство в наши дни обрело наконец устойчивый статус: им не пугают больше детей и оно не считается орудием империалистических разведок. Сегодня это просто одно из многочисленных течений изобразительного искусства со своей специфической системой средств выражения, отличное от искусства фигуративного, но способное отображать тончайшие нюансы, переходы состояний человеческой души, вплоть до самых необычных, мистических, полуреальных.

*Есть мир, который мы
не знаем.
Он ощутим, и он
недосягаем!*

Так написал в одном из своих стихотворений Юрий Миронов. Эти слова — ключ к его живописи. Статьи, он не только пишет картины и стихи, но является тонким ценителем музыки и уверяет, что живопись, поэзия и музыка не только тесно связаны друг с другом, но и взаимопереводимы одна в другую.

Ранний период творчества Ю. Миронова был связан с увлечением абстракцией. Это была середина 70-х годов — он только что окончил художественно-графический факультет Московского педагогического института и экспериментировал с пятном, заливкой и прочими техническими приемами. Работы тех лет и сегодня неплохо смотрятся — они приятны по цвету, незаурядны по фантазии. Но это лишь штудии, поиск пути.

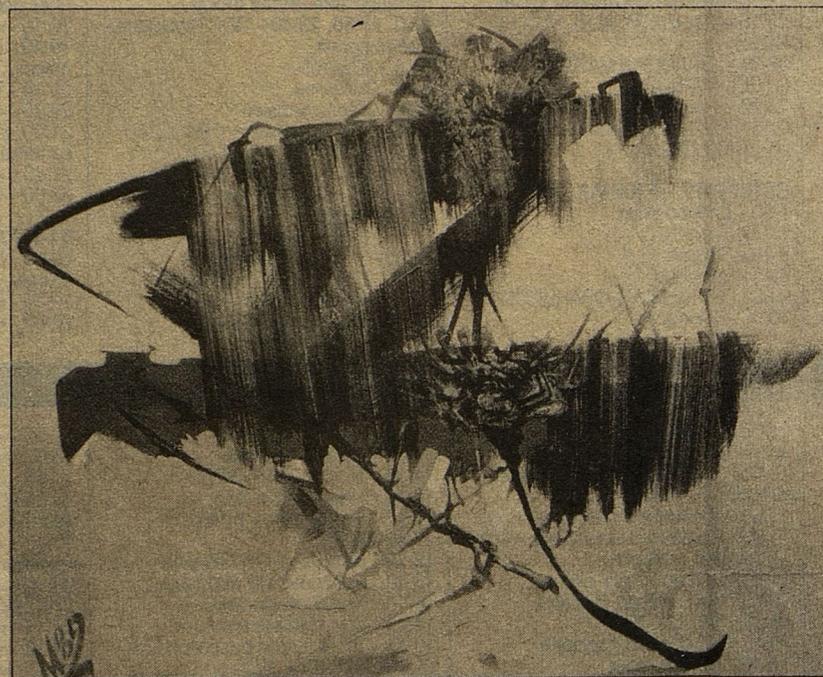
Второй период — возвращение к фигуративности, к пейзажу. Но пейзаж у Миронова необычен: он таинствен, космичен, внепространствен, на грани сна и яви. По духу он близок старым романтикам — Тернеру, Каспару Фридриху. Человеку в нем места нет. В этих картинах элемен-

ты фигуративного и абстрактного активно взаимодействуют — борются, перетекают одно в другое, но постепенно изобразительность исчезает. Все напряженнее настрой полотнов, все активнее поиск. И наконец — прорыв к чистой форме и цвету.

— Конечно, мои работы не рождаются из ничего, — говорит Юрий Миронов. — Художник может передать лишь то, что существует в природе. Другое дело — что там существует. Меня спрашивают: что означают твои картины. Объяснить трудно — слова плохо передают суть явления. Я сказал бы так: это состояния души художника, переданные в красках. А состояния эти могут быть совершенно необычны, ибо художнику дано видеть то, что не могут постичь обычные люди.

О том, что окружающий нас мир совсем не таков, каким мы воспринимаем его посредством нашего очень несовершенного зрения, что за видимым скрывается невидимое, недостижимое для бедных человеческих чувств, человечество догадывалось еще во времена Платона и Пифагора, а может быть, и раньше. Поэты, художники, музыканты в течение многих веков пытались своим «вторым зрением» увидеть «другие» сущности, заглянуть за пределы видимого, чтобы поведать всем, что там. В их числе — Юрий Миронов.

— Все начинается у меня со знака, иероглифа, — говорит он. — Знак приходит неожиданно — во сне, в метро, за обеденным столом, под влиянием какого-то мгновенного впечатления, ноты, звука, донесшегося со двора. Это как импульс, пере-

данный извне. Но и приняв его, я все равно не знаю до конца, что будет дальше. Я могу нанести знак на десять полотнов, но свершится он лишь на одном, каком и почему — не знаю. А потом все пойдет как надо: вокруг него возникнет силовое

поле, кристаллизующее композицию, мелодику пятен, красок, линий. Но все идет ОТТУДА, я лишь фиксирую передаваемую мне информацию на полотне. И наконец чувствую: картина завершена. Иногда могу начать сам, без импульса:

придумываю, мучаюсь, потом отставляю холст в сторону. Через некоторое время чувствую: пора. Беру кисть и доделываю — уверенно, без колебаний. Если сигнала нет — полотно не состоялось. Названия значения не имеют, они произвольны.

— Только немногие из моих работ меня удовлетворяют, — заключает художник. — Те, где, как мне кажется, я сумел прикоснуться к Неведомому. Кстати, мы, немногие, кто утверждает, что смогли сделать это, противоречим на первый взгляд друг другу. Но это не значит, что мы лжем или выдумываем. Просто Неведомое, как лемовский Солярис, может принимать различные облики. А может быть, мы пытаемся проникнуть в иные миры в разных точках, под разными углами, поэтому так различны наши свидетельства. Увы, чем дальше, тем сильнее чувствую я бессилие скудными человеческими средствами выразить суть Запредельного. Как будто дошел до стены и идешь вдоль нее. А что за ней — неизвестно. Я утешаю себя тем, что, наверное, в конце концов нужно просто делать в этой жизни то, к чему ты предназначен, а остальное — неважно.

Работы Ю. Миронова хранятся в Третьяковской галерее, Музее космонавтики, в частных и корпоративных собраниях разных стран. К сожалению, небольшие черно-белые репродукции не могут даже отдаленно передать их удивительной цветовой изощренности, таинственного ореола. Лучшее прийти и посмотреть.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимках: «Воспоминание» и «Печаль».